

18+

Александр Качура

**Ты моя самая свеженькая.
романтическая чёрная комедия
с отваливающимися конечностями**

«Издательские решения»

Качура А.

Ты моя самая свеженькая. романтическая чёрная комедия с отваливающимися конечностями / А. Качура — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-694442-8

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Вампириша Эбигейл искала любовь 300 лет. Зомби Костя просто лежал в морге. Но судьба (и отваливающаяся челюсть) решили иначе. Свадьба в морге, чесночный букет в тещу, путешествие к древним богам и клей, из-за которого конечности живут своей жизнью. Романтическая чёрная комедия о том, что любовь побеждает всё. Даже разложение. Даже гильдию охотников. Даже тещу-вампиришу. Содержит убегающие руки, философствующие кактусы и коктейли с характером.

ISBN 978-5-00-694442-8

© Качура А.
© Издательские решения

Содержание

ГЛАВА 1	10
ГЛАВА 2	12
Чесночный инцидент	12
ГЛАВА 3	15
Древние традиции и современный самогон	15
Перелёт	16
Встреча с дядей Толей	17
Вечер на пирамиде	18
Коктейльные проблемы Степана	19
ГЛАВА 4	21
Конец ознакомительного фрагмента.	24

**Ты моя самая свеженькая
романтическая чёрная комедия
с отваливающимися конечностями**

Александр Качура

© Александр Качура, 2026

ISBN 978-5-0069-4442-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«Ты моя самая свеженькая»

романтическая чёрная комедия с отваливающимися конечностями

ПРОЛОГ

Сказ про то, как самая древняя невеста Замрича жениха нашла.

В некотором царстве, в некотором государстве, а если по-простому – за околицей славного града Замрича, где трамваи уже не ходят, маршрутки берут только наличку (и левые запчасти), а по ночам из люков валит туман с душком – жила-была девица-красавица.

Молодая, статная, кровь с молоком... ну, про кровь это буквально, потому как из славного рода она была вампирского, древнего, корнями аж до самого основателя города, князя Замрича Тёмного, уходящего.

И всего-то девице той – триста годков. По вампирским меркам – самый расцвет. Ещё не старая, чтоб в гробу скрипеть, но уже достаточно взрослая, чтоб на дискотеки в местный клуб «Упырь» не шляться и на тусовки молодёжи смотреть свысока (в прямом смысле – она же летать умела).

Звали девицу – графиня Эбигейл фон Кровштейн.

Но для своих – просто Эби.

И была у неё проблема. Огромная. Как Замричский карьер, где топили ведьм в средне-вековье.

Женихов нет.

Ну, то есть как нет – есть. Вампиры вокруг – хоть пруд пруди. Один другого круче: и древнее, и богаче, и клыки белее. Да только все они, как назло, либо зазнавшиеся снобы из Центрального района (где особняки с гробами из красного дерева), либо модные пижоны (ездили в Европу, крови только «Бургундское» подавай, нос воротят), либо вообще... ну, как бы помягче... с приветом из Замричской психушки (оттуда, кстати, многие выходили. И заходили. И выходили. Круговорот).

Один, например, граф Влад Затменский, на первом же свидании начал читать ей стихи собственного сочинения про луну и вечную тьму. Тьфу, скукота. Ещё и рифмы хромали.

Другой, барон Кровососский, притащил ей в подарок банку консервированной крови с истекающим сроком годности. «Экономный, – подумала Эби, – но жлоб. И с подарками не заморачивается».

Третий вообще явился с мамочкой. В прямом смысле – приползли вдвоём, и мамочка всю дорогу решала, что Эби будет есть, как одеваться и когда рожать (хотя какие дети от вампира, вы чего).

– Эби, – сказала тогда её собственная мать, графиня Маргарита (дама древняя, ещё тех времён, когда кровь в Замриче в бидонах продавали, а на рынке можно было выменять ведро четвёртой положительной на мешок чеснока, который потом перепродавали туристам), – дочка, бери любого. Пора уже. Триста лет – не шутки. Вон, у троюродной сестры Клеопатры уже внуки-полукровки бегают, один вообще оборотень, другой упырь, третий в человека пошёл, позор семьи, но хоть весело. А ты всё в девках сидишь.

– Мама, – отвечала Эби, – я хочу любовь. Чтоб искра. Чтоб бабочки в животе... ну, или хотя бы летучие мыши в голове. Чтоб сердце... ну, оно у меня не бьётся, но чтоб хотя бы ёкало.

– Ох, дура, – вздыхала мать и уходила пить свою вечернюю порцию (четвёртую положительную, свежую, с доставкой из местного морга – у неё там абонемент был).

И вот сидела как-то Эбигейл вечером на лавочке возле городского морга (любимое место отдыха всех вампиров Замрича: тихо, спокойно, соседи не шумят, запах родной, знакомый с детства), пила томатный сок (кровь надоела, хотелось разнообразия, да и фигуру беречь надо), и думала: ну где же ты, суженый-ряженный?

А мимо как раз Костя проходил.

Ну, не то чтоб проходил. Он, собственно, лежал. В морге. И вышел подышать свежим воздухом (от слова «свежий» применительно к Косте можно было использовать только кавычки, да и те иронические).

Выполз, значит, весь такой: зелёный, местами потрёпанный, один глаз смотрит на вывеску «Похоронное бюро „Тихий причал“», другой – на ларёк с шаурмой (закрыт, к сожалению, уже лет пять, но Костя всё надеялся), из кармана труха сыплется, из другого – сено (он там ночевал, когда в морге ремонт был).

Увидел Эби – и замер.

Ну, как замер – он вообще редко двигался, но тут прямо остановился конкретно.

А у Эби сердце... ну, оно у неё, конечно, не билось, но где-то в районе груди что-то ёкнуло. То ли предсердие шевельнулось, то ли просто газ выходил.

– Добрый вечер, – сказал Костя, и его челюсть от волнения упала прямо на асфальт.

С противным таким «чвяк».

– Добрый, – ответила Эби, разглядывая незнакомца. – Ты чего такой... свежий?

– А я не местный, – Костя поднял челюсть, приставил обратно (немного криво, но ничего, даже шарм появился). – Я вообще-то с того света. Но командировка затянулась. Лежу тут, скучаю. А вы?

– А я местная. В смысле, из Замрича. Триста лет уже тут.

– Ого, – уважительно сказал Костя. – А я всего пять. Ещё молодой.

– А семья? – спросила Эби.

– Да какая семья? Черви да плесень. Иногда мыши забегают, но они несерьёзно. А я про любовь мечтаю.

Эбигейл усмехнулась. У неё клыки блеснули в свете фонаря.

– И какая тебе любовь нужна?

– Чтоб тёплая, – мечтательно сказал Костя, и его единственный глаз затуманился (второй в это время пытался разглядеть, что у него в кармане). – Чтоб когда рядом – не разлагаться хотелось, а жить. Ну, или хотя бы не рассыпаться. А то я последнее время часто падаю.

И посмотрел на неё своим единственным рабочим глазом.

А второй глаз в это время выпал из кармана и укатился куда-то в сторону помойки.

– Ой, извините, – смутился Костя. – Сейчас.

И он попытался пойти за глазом, но споткнулся о собственную ногу (она у него часто засыпала на ходу) и рухнул лицом в лужу.

Эбигейл встала, подошла, аккуратно подняла его за воротник (рука слегка оторвалась, но ничего, приставили), достала глаз из лужи, протёрла платочком и вставила обратно.

– Держи. Не теряй больше.

Костя смотрел на неё и чувствовал, что у него внутри... ну, не сердце (оно давно сгнило), а что-то вроде ностальгии по тому, чего никогда не было.

– Спасибо, – выдохнул он.

И поняла Эбигейл: вот оно. Не принц на белом коне (откуда в Замриче белый конь, тут грязь круглый год, да и лошадей давно съели оборотни из соседнего леса), а просто хороший мёртвый парень, с душой наружу (в прямом смысле – душа у него из дыры в пиджаке торчала, серая такая, полупрозрачная, но кто ж без недостатков).

– Слушай, – сказала она. – А ты завтра занят?

– Я всегда занят. Лежу.

– А послезавтра?

– Тоже лежу. Вообще у меня график плотный: лежание, изредка разложение, по праздникам – выползание погулять. Вот сегодня как раз выполз.

– Тогда давай так, – Эби встала, отряхнула своё чёрное платье («Версаче», между прочим, специально из Парижа везли, через таможду с крестами и чесноком еле провезли, пришлось

взятку дать – пол-литра четвёртой положительной). – Я за тобой завтра зайду. В семь. В гробу будешь?

– А где ж мне ещё быть? – удивился Костя. – У меня там абонемент.

– Ну и чудненько. Свидание у нас.

И ушла, цокая каблучками по замричской брусчатке, оставив Костю стоять посреди улицы с отвисшей челюстью (в этот раз уже от счастья) и счастливым единственным глазом (второй опять куда-то смотрел, но уже неважно).

А через полгода весь Замрич гудел: вампирша из древнего рода выходит замуж за зомби с городской свалки!

– Да он же с Кладбищенской окраины! – ахали аристократы.

– Да у него моль в голове! – возмущались старые графини.

– Да у него рука отваливается при разговоре! – шептались сплетницы.

– Зато душа есть, – отвечала Эбигейл и надевала своё подвенечное платье.

Графиня-мать рыдала (сухо, но громко – специально тренировалась).

Гости гадали: что дарить? Кровь в конвертах? Запасные конечности? А может, путёвку в санаторий «Замричский гнильник»?

Священник в морге пил валерьянку и готовил отходную молитву (для себя, потому что боялся, что не переживёт эту свадьбу).

А Костя просто счастливо улыбался своим единственным глазом и готовился к самому важному дню в своей... ну, смерти.

Он даже новую руку прикрутил (на всякий случай). И глаз нашёл запасной – правда, кошачий, но в темноте светился зелёным, что добавляло шарма.

И вот они стояли в морге. Вся нечисть Замрича собралась. Священник дрожал. Мать рыдала (сухо). А Костя в сотый раз проверял, все ли части тела на месте.

– Волнуешься? – шепнула Эбигейл.

– Я? Нет. – Костя судорожно прикручивал ухо. – Хотя погоди... А где мой второй глаз?

– У меня в сумочке. Ты просил сохранить.

– А, ну да. Люблю тебя.

– И я тебя. Даже без глаза.

– Горько! – заорал дядя Гриша из противогаза.

И свадьба началась...

ГЛАВА 1

Горько! (Только не для меня)

Свадьба была обречена с самого начала.

Во-первых, потому что венчание проходило в морге. Загсы Замрича, знаете ли, не очень-то горят желанием регистрировать браки, где у невесты клыки, а жених разваливается на ходу. Пришлось договариваться с заведующим. Тот обрадовался: мероприятие, люди (ну, почти), выручка в буфете. Буфет там, правда, своеобразный – кровь трёх видов, формалинчик, компот из мухоморов.

Во-вторых, невеста – графиня Эбигейл фон Кровштейн – принципиально не ела чеснок и терпеть не могла церковную атрибутику. А священник, которого еле уговорили (посулили ящик кагора), весь увешан крестами был, как ёлка игрушками.

А в-третьих – жених постоянно отвлекался и пытался откусить голову священнику.

– Костя! – прошипела Эбигейл из-под фаты. – Положи батюшку на место. Неприлично.

Жених с явным сожалением разжал челюсти.

– А чё он вкусно пахнет, – обиженно прогудел Костя. – Свеженький. И маслицем...

Священник, трясущимися руками поправляя рясу, продолжил молитву.

Гости, как и положено на приличной свадьбе, разделились на два лагеря.

Слева – вампиры. Бледные, высокомерные, в чёрных фраках. Пили «Северное сияние» из хрустальных бокалов и брезгливо косились в противоположную сторону.

Справа – зомби. Эти пришли в том, в чём их нашли: больничные пижамы, старые костюмы, перламутровые пуговицы. Двоюродный брат Кости, дядя Гриша, – в противогазе и резиновых сапогах. На всякий случай.

Зомби не пили. Они пытались отковырять кусочки гранита от постамента, на котором стоял гроб.

Да, вместо алтаря был гроб. Роскошный. Красное дерево. С подогревом. Эбигейл настояла.

– Ну как тебе не стыдно! – Эбигейл ткнула жениха коготком в бок. Из бока с тихим «пуф» вылетело немного трухлявой ваты. – Договоривались же: никаких укусов до брачной ночи!

– А когда брачная ночь? – оживился Костя.

– Если продолжишь в том же духе – никогда.

Костя сразу собрался. Попытался принять величественный вид.

И в этот момент у него отвалилась рука. Прямо во время обмена кольцами.

– Ой, – сказал Костя, глядя на конечность, валяющуюся на полу. – Извините. Разволновался.

Он нагнулся, промахнулся мимо неё раза три, наконец нашарил что-то, поднял, посмотрел... и аккуратно положил обратно. Потому что это оказалась чья-то чужая кисть.

В зале повисла тишина.

Вампиры побледнели ещё сильнее.

Зомби оживились. Один даже захлопал – после чего лишился собственной кисти, и она присоединилась к общей экспозиции на полу.

– Коллекция собирается, – одобрительно кивнул дядя Гриша.

Эбигейл вздохнула. Она знала, за кого выходит.

– Костя, – мягко сказала она, протягивая ему руку. – Давай свою. Ту, что у тебя ещё есть.

Нам осталось поцеловаться.

Священник, поняв, что хуже не будет, выпалил:

– Объявляю вас мужем и женой! Жених, можете поцеловать невесту!

Костя шагнул вперёд, споткнулся о собственные шнурки и вместо губ впился лицом в её плечо.

– Костик! Ты мне «Версаче» порвёшь! – возмутилась Эбигейл. Но в голосе звучала нежность.

– Ты моя самая свеженькая, – прошамкал Костя. – На веки вечные. Ну... или пока не рассыплюсь.

И тут в дверь постучали.

СТУК-СТУК-СТУК.

– Открыто! – крикнул Костя.

На пороге стоял высокий загорелый парень с колом наперевес и букетом чеснока.

– Я пришёл остановить это безобразие! Во имя света и...

Он осёкся.

– А вы кто? – вежливо поинтересовалась Эбигейл.

– Степан. Охотник на нечисть. По вызову. Соседи жаловались на музыку и запах.

– Так это ж свадьба! – обрадовался Костя. – Будь гостем!

Степан посмотрел на вампиршу в фате, на зомби, грызущих гранит, и медленно убрал кол за спину.

– А кровь человеческая есть?

Эбигейл улыбнулась:

– Для такого мачо? Найдём. Костик, налей.

Костя кивнул и уковылял к бару.

– Вы проходите, Степан, – Эбигейл сделала приглашающий жест. – Не стесняйтесь. Вон, познакомьтесь с мамой.

Графиня-мать Маргарита сверлила охотника взглядом.

– Молодой человек, вы бы кол в гардероб сдали. У нас тут культурная программа.

– Виноват, – Степан послушно прислонил кол к вешалке.

ГЛАВА 2

Чесночный инцидент

– Эй! – крикнула Эбигейл вслед Косте. – Не перепутай графины! «Семейная» – без этикетки!

Голова из-за барной стойки показала большой палец. Вернее, бровь.

Степан оглядывался по сторонам и чувствовал, как рушится его профессиональная картина мира. Нечисть должна шипеть и убегать от святой воды, а не обсуждать туфли.

– Простите, – осторожно начал он. – А вы... официально всё?

– А то, – ответила Маргарита, обмахиваясь веером из летучей мыши. – Нотариус был. Из городской конторы. Он, правда, не выжил, но документы подписать успел.

Священник нервно перекрестился.

Костя появился с подносом. Голова, как обычно, катилась следом, подруливая ушами.

– Вот! Третья положительная. Свежачок.

Степан взял бокал, понюхал.

– А чеснока точно нет?

– Фу, – поморщилась Эбигейл. – Мы не варвары.

Зомби окружили охотника. Один ткнул его пальцем в плечо – палец остался у Степана на куртке.

– Извиняюсь, – прогудел зомби и забрал обратно.

Степан сделал глоток. Потом ещё.

– Слушайте... а у вас тут душевно.

– Конечно! – крикнул Костя. – Мы любовь празднуем!

Музыка заиграла громче – диджей воткнул провод в дефибриллятор, и тот начал ритмично бить током колонку.

– Первый танец! – объявил кто-то.

Костя протянул Эбигейл руку. Ту, что держалась.

– Разрешите пригласить, графиня фон Кровштейн-Мертвецкая?

– Мертвецкая? – приподняла бровь вампирша.

– Ну... двойная фамилия. Солидно.

– Ладно. Звучит трагично.

Они закружились. Костя двигался ломано, иногда терял равновесие. Эбигейл парила вокруг, поддерживая, чтобы не рассыпался.

Степан смотрел и медленно опускал кол.

– Я, наверное, не по адресу.

– Останься! – заорал дядя Гриша. – Конкурс будет! Кто быстрее соберёт жениха!

– Я всё слышу! – крикнул Костя.

И в этот момент у него отвалилась нога.

Музыка остановилась.

Эбигейл посмотрела на ногу. Потом на Костю.

– Ну?

– Я волнуюсь, – признался Костя.

Вампирша вздохнула, подняла ногу, приставила, щёлкнула суставом.

– Танцуем дальше. Без паники.

Степан залпом допил бокал.

– Ладно. Кол оставляю в гардеробе. Я вообще-то тамадой подрабатываю.

– Тогда объявляю конкурс! – Степан вскарабкался на гроб. – Кто поймает букет – тому вечная жизнь!

Эбигейл размахнулась и бросила.

Букет чеснока.

Угодил прямо в графиню-мать Маргариту.

Вампиры закричали. Зомби зааплодировали.

– Мама! – Эбигейл рванула к матери. – Дыши!

– Я теряю сознание!

– Ты уже теряла его час назад.

– Это было дежурное! А сейчас – предсмертное!

Костя подковылял:

– Маргарита Эдуардовна, водички?

– МНЕ НЕЛЬЗЯ ВОДЫ! Я ТРУПНЫМ ЯДОМ ПИТАЮСЬ!

Дядя Гриша понюхал букет через противогаз:

– Ничо так. Пряно.

Степан попытался оправдаться:

– Я думал, для антуража...

– Для АНТУРАЖА?! – взвизгнула Маргарита. – Да если б я не была мёртвой, я б сейчас умерла!

– Костя, – сказала Эбигейл. – Убери чеснок. И принеси маме «Запас А++1982». Из подсобки.

Костя схватил букет зубами и укувылял.

Из подсобки донеслось:

– Эби! С плесенью или без?

– С ПЛЕСЕНЬЮ! – рявкнула Маргарита.

Свадьба приходила в себя. Диджей переключил дефибриллятор на непрерывный режим – морг заполнило техно.

Зомби плясали. Вампиры стояли у стен и делали вид, что они случайно.

Костя вернулся с банкой:

– Вот. Олимпийский резерв. Тридцать лет выдержки.

Маргарита понюхала, отхлебнула из горла:

– Уважил, зять. Но если ещё раз подсунешь чеснок – в венки заплету.

– Договорились!

Степан подошёл к Эбигейл:

– Можно я останусь? Меня из гильдии охотников забанили.

– За что?

– Отказался стрелять в оборотня. Он моим учителем географии был.

Эбигейл вздохнула:

– Оставайся. Но без кольев.

Костя подкатился:

– Эби! А торт!

– Точно! Где торт?

Из угла выполз кондитер-зомби:

– Тут такое дело... Торт готов. Но пока нёс, пальцы отвалились. Прямо в крем.

– И?

– Теперь торт с сюрпризом. Кому какой палец попадётся.

Зомби оживились. Вампиры поморщились.

Торт вынесли. Трёхъярусный, красный бисквит, чёрная глазурь, фигурки молодожёнов сверху. Фигурка Кости периодически теряла голову, фигурка Эбигейл ловко приставляла.

– Речь! Речь! – заорали зомби.

Костя вскарабкался на стул:

– Дорогие гости! Мертвые и... ну, вы поняли. Я обещаю любить Эби, пока смерть не разлучит нас. Но поскольку мы оба уже того... то навечно. И даже если рассыплюсь – буду собираться обратно каждый вечер.

Зомби рыдали.

– Горько! – заорал дядя Гриша.

– ГОРЬКО! – подхватили все.

Костя и Эбигейл поцеловались. Аккуратно, чтобы никто никого не съел.

Дверь морга снова распахнулась.

На пороге стояла бабулька с авоськой.

– Вы чего орёте? Людям спать надо!

Осмотрела зал, гроб, торт, Костю.

– А. Свадьба.

Достала бутылку:

– Самогон. На мумийё. Трёхлетний. Молодым.

И ушла.

Степан посмотрел ей вслед:

– Я люблю этот город.

В углу он записывал в блокнот:

«День первый. Внедрение прошло успешно. Объекты не подозревают. Зомби чрезмерно социализированы. Самогон на мумийё – стратегический ресурс».

Музыка заиграла снова.

Кто-то танцевал. Кто-то терял конечности. Кто-то находил чужие и примерял.

Опа! Не заметил, что мы прервались.

ГЛАВА 3

Древние традиции и современный самогон

Сразу после свадьбы Эбигейл заявила:

– Костя, сборы. Мы летим в Мексику.

– В Мексику? – Костя поперхнулся компотом из мухоморов. – А там... тепло?

– Тепло, – улыбнулась Эби. – Но ты не бойся, я тебя в чемодане провезу. С тонировкой.

– А зачем нам в Мексику?

– К дяде. Троюродному. По маминой линии. Он благословение должен дать. Традиция.

– А он кто?

Эбигейл задумалась:

– Ну... ты как к этому отнесёшься? Он древний майянский бог.

– Ого, – Костя почесал затылок (рука слегка оторвалась, но он быстро приставил обратно). – А у вас все такие?

– Не все. Некоторые ещё хуже.

Графиня-мать Маргарита, узнав о планах, закатила глаза:

– К дяде Толе? Эби, ты с ума сошла! Он же ненормальный! В прошлый раз он пытался принести меня в жертву, потому что «так предки велели»!

– Мам, это было 200 лет назад. Он уже остепенился.

– Остепенился он... – проворчала Маргарита. – Я слышала, он до сих пор по ночам на пирамиде пляшет с бубном. И эти его жертвоприношения...

– Мам, это туристы. Они сами просят. Им же экзотика.

– Экзотика у них... – Маргарита махнула рукой. – Ладно. Но если он начнёт свои ритуалы – сразу звоните. У меня есть связи в ООН по нечисти.

Степан, узнав, что летит с ними, обрадовался:

– Мексика? Круто! Я как раз испанский учил. Ну, не совсем испанский, я учил древние языки для охоты, но там почти то же самое. Наверное.

– Ты с нами? – удивилась Эби.

– А вы меня одного в Замриче оставите? С вашей мамой? – Степан поёжился. – Я лучше с древним богом рискну.

Костя собирал чемодан три часа. В списке было:

– Запасной глаз (кошачий, светится в темноте – вдруг пригодится)

– Сменная челюсть (боевая и парадная)

– Шуруповёрт (на всякий случай)

– Пакет с замричской землёй (чтоб скучно не было)

– Фотография Эби (на тот случай, если она улетит вперёд, а он потеряется)

– Носки (почему-то)

– Костя, – Эби заглянула в чемодан, – зачем тебе шуруповёрт?

– Ну а вдруг? – Костя пожал плечами. Одно отвалилось, он вздохнул и прикрутил обратно. – Ты же знаешь, я без техники никак.

Перелёт

В самолёте Костя сидел у иллюминатора и смотрел на облака.

– Эби, – шёпотом спросил он, – а почему птички машут крыльями, а мы просто висим?

– Это сложно, дорогой. Аэродинамика.

– А что такое аэродинамика?

– Ну... это наука о том, как летать.

– А мы летаем?

– Я летаю. Ты – пока нет.

– А можно я голову в иллюминатор высуну?

– НЕТ.

Мимо проходила стюардесса. Костя улыбнулся ей своей самой дружелюбной улыбкой (челюсть, к счастью, держалась).

– Девушка, а у вас есть чего-нибудь свеженького?

Стюардесса посмотрела на зелёное лицо, на глаз, который смотрел куда-то в сторону хвоста самолёта, и медленно осела на пол.

– Опять, – вздохнула Эби. – Степан, объясни ей.

Степан подскочил:

– Всё нормально, это косплей! Он косплеер! Зомби-апокалипсис, понимаете? Молодёжь сейчас такое любит... Девушка, очнитесь! Вам водички? Стюардесса пришла в себя, но до конца полёта обходила их ряд по широкой дуге.

Встреча с дядей Толей

Пирамида возвышалась посреди джунглей. Солнце палило нещадно.

Костя таял на глазах.

– Эби, – жалобно протянул он, – я щас растаю. Как мороженое. Только невкусное.

– Держись, – Эби прикрывала его своим зонтиком. – Степан, тащи его быстрее.

– Я тащу, я тащу... – Степан волок Костю под руку, периодически подбирая отваливающиеся детали.

На вершине пирамиды стоял мужчина.

Выглядел он впечатляюще: набедренная повязка из перьев, золотые браслеты на руках и ногах, корона с черепом на голове, татуировки по всему телу. В руках – ритуальный нож.

– Кто посмел потревожить покой Ах-Чак-Тууна, Владыки Солнечного Цикла, Разрушителя Четвёртой Эпохи?! – прогремел голос, от которого содрогнулись джунгли.

Эбигейл сняла солнечные очки:

– Дядя Толя, это я. Привет.

Мужик замер. Потом присмотрелся:

– Эби? Эби! Детка!

Он выронил нож, сбежал по ступеням (со скоростью, неожиданной для его возраста) и сгрёб племянницу в объятия.

– Сколько лет! Сколько зим! – Он отстранился, разглядывая её. – Красавица! Вся в нашу породу! А это кто с тобой?

– Это Костя. Мой муж.

Дядя Толя уставился на Костю.

Костя смутился. У него от улыбки отвалилась челюсть, потом рука, потом он попытался пожать плечами, и одно плечо тоже решило отдохнуть.

– Здрасьте, – сказал Костя, поднимая руку с земли. – Ой, извините. Сейчас соберусь.

Дядя Толя молча наблюдал, как зомби пытается приставить себе руку обратно (к локтю, потому что перепутал).

– Зомби, значит, – наконец произнёс он.

– Ага.

– Свежий?

– Да нет, уже пять лет лежу.

– В морге?

– Ага. У меня там абонемент.

Дядя Толя хмыкнул. Потом повернулся к Эби:

– А ничего парень. Не стеснительный. И запчасти, я смотрю, есть.

– Дядя Толя! – возмутилась Эби.

– Ладно-ладно, – он хлопнул Костю по спине (у того отвалился позвонок, но он быстро подобрал). – Проходите в гости. Шашлык будете?

– А из кого? – осторожно поинтересовался Степан.

– Да не бойся, – махнул рукой дядя Толя. – Для вас обычный сделаю, свинина. Хотя, если хотите аутентичный... – он подмигнул. – Шучу. Или нет? Узнаете, когда попробуете.

Вечер на пирамиде

Вечером сидели у костра. Дядя Толя жарил шашлык (обычный, свиной, к огромному облегчению Степана), разливал текилу и рассказывал:

– ...и вот тогда я говорю этому Кетцалькоатлю: «Слушай, пернатый, ты своих змей убери, они мне всю пирамиду загадили». А он такой: «Это не змеи, это мои посланники». А я: «Посланники у тебя линяют, как проклятые». Ну, поругались. Потом помирились, конечно. Вместе в сауну ходили.

– Дядя Толя, – перебила Эби, – мы зачем приехали. Ты же знаешь традицию: старший родственник должен благословить брак.

– Знаю, знаю, – дядя Толя налил себе ещё текилы. – Только я сначала должен убедиться, что этот... как его... Костя... достоин.

– Достоин чего? – насторожилась Эби.

– Достоин тебя, детка. Ты же у нас особенная. Триста лет ждала. Значит, парень должен пройти испытание.

Костя поперхнулся шашлыком (кусочек вылетел через дырку в щеке):

– Испытание? А какое?

– Древнее. Майянокое. – Дядя Толя зловеще улыбнулся. – Завтра узнаешь. А пока ешь давай, вон у тебя уже рука опять отвалилась.

Коктейльные проблемы Степана

У Степана в кармане зажужжал телефон.

– О, связь поймал, – обрадовался он и уставился в экран.

Лицо его медленно вытягивалось. Потом зеленело. Потом приобретало оттенок Костиной кожи.

– Э... ребята, – Степан поднял глаза. – Тут такое дело...

– Что случилось? – Эби отвлеклась от попыток прикрутить Косте ухо (оно опять отвалилось, когда дядя Толя сказал слово «испытание»).

– Гильдия охотников пищет.

– И что хотят? – насторожилась вампирша.

Степан сглотнул и зачитал:

– «Уважаемый Степан! Напоминаем, что при вашем увольнении остался непоплатенным штраф за нарушение пункта 13.4 Кодекса Охотника: распитие алкогольных напитков с представителем нечисти в рабочее время. Кровавая Мэри, с которой вы употребляли, подала иск о моральном ущербе. Она очень обижена вашим уходом и требует компенсации. В случае неуплаты вы будете объявлены в розыск через Гильдию Барменов, Союз Нежити и Общество Защиты Коктейлей. С уважением, отдел кадров Гильдии охотников».

Тишина.

Потом дядя Толя присвистнул:

– Ничего себе у них отделы кадров работают. Коктейли уже иски подают?

– Кровавая Мэри – это не просто коктейль, – мрачно пояснил Степан. – Мы с ней... ну, познакомилась в баре. Я тогда был на задании, выслеживал одного упыря. А Мэри за стойкой работала. Мы разговорились. Она оказалась... понимаете... живая. В смысле, не совсем живая, но и не мёртвая. Она вообще из томатного сока и специй, у неё своя экосистема. Мы выпили. Потом ещё. А потом пришёл тот упырь, и мне пришлось выбирать – гнаться за ним или допить с Мэри. Я допил.

– И правильно, – одобрил Костя. – Не бросать же даму.

– Вот гильдия так не считает. Они сказали, что я вступил в «недопустимые межвидовые отношения» и «подрываю авторитет охотника». А Мэри, когда узнала, что я уволился, обиделась и подала иск.

– А сколько штраф? – спросила Эби.

– Пять тысяч. Кровавыми слезами Мэри, – Степан зарылся лицом в ладони. – У меня нет таких денег. Я вообще всё на такси потратил, пока за вами по канализации бегал.

Дядя Толя задумчиво почесал подбородок (татуированным когтем):

– А что, если я поговорю с этой... Мэри? У меня есть связи в коктейльном мире. Я ещё с «Пиной Коладой» дружу. С тех пор, как мы вместе... ну, неважно.

– Дядя Толя, ты с «Пиной Коладой» дружишь? – удивилась Эби.

– А ты думала, я всё жизнь только пирамиды строил? У меня бурная молодость была. – Он мечтательно закатил глаза. – Гавайи, семьдесят третий год, «Пина Колада» была просто богиней...

– Дядя Толя!

– Ладно-ладно, – он отмахнулся. – Короче, парень, не дрейфь. Завтра пройдём испытание, потом решим твои проблемы. Чай, не последние боги на свете.

– А если не пройдём? – подал голос Костя.

Все посмотрели на него.

– Ну... – Костя смутился, – вдруг я развалюсь прямо во время испытания? У меня ж бывает.

– Тогда, – дядя Толя поднялся и отряхнул набедренную повязку, – будем тебя собирать по кусочкам. У меня опыт есть. Я в своё время одного бога собирал три дня. Он, правда, потом обиделся и ушёл в астрал. Но ты не обидишься?

– Не, – подумав, сказал Костя. – Я привычный.

– Вот и отлично. А ты, – дядя Толя ткнул пальцем в Степана, – иди спать. Завтра рано вставать. И не бормочи под нос, а то дух джунглей примет тебя за шамана и начнёт являться.

Степан, который уже действительно бормотал что-то про «коктейльные иски» и «как я до жизни такой докатился», вздохнул, поднялся и поплёлся к гамаку, натянутому между двух кактусов.

– Спокойной ночи, – буркнул он. – Пусть вам приснятся... ну, не знаю... боги какие-нибудь. А мне приснится Мэри. Иск отзывающая.

И он провалился в сон, полный коктейлей, охотников и странных майянских ритуалов.

ГЛАВА 4

Три в одном: как Костя чуть не стал героем майянского эпоса И как Степан нашёл свою судьбу на дне бокала

Утро в джунглях началось с крика павлинов и запаха текилы.

Костя проснулся в гамаке и первым делом проверил наличие конечностей. Левая рука была на месте, правая – в гамаке, ноги обе лежали рядом на земле, аккуратно сложенные. Глаз, который обычно болтался, сегодня почему-то смотрел в небо, хотя сам Костя лежал лицом вниз.

– Эби, – позвал он, – у меня тут глаз закатился. Поправь, а?

Эбигейл, уже одетая и свежая (вампиры вообще не понимают, что такое утренний сон), подошла, ловко вынула глаз из-за уха и вставила обратно:

– Держи. И ноги прикрути, сейчас завтракать будем.

– А что на завтрак?

– Дядя Толя обещал лепёшки. С кровяной колбасой для меня и с... ну, для тебя с чем-нибудь органическим.

Из-за угла пирамиды вышел дядя Толя. Вместо набедренной повязки на нём был спортивный костюм с надписью «Чичен-Ица 2020», на голове – та же корона с черепом, но теперь она съезжала набок.

– Ну что, молодёжь, готовы к великому испытанию? – он потирал руки. – Сегодня узнаем, достоин ли этот... гм... экземпляр нашей Эби.

– Дядя Толя, – Эби упёрла руки в бока, – только без фанатизма.

– Детка, всё по правилам. Древний ритуал. Три испытания в одном. Сила, дух и мудрость одновременно. Так предки завещали.

– А можно я сначала позавтракаю? – жалобно спросил Костя. – У меня рука отваливается, когда я голодный.

– Держи лепёшку, – дядя Толя кинул ему что-то, завернутое в лист. – Жуй, пока есть чем. Испытание начнётся через час. Ты должен подняться на вершину пирамиды, схватить священного ягуара за хвост и, спускаясь вниз, ответить на три вопроса древних майя.

Костя замер с лепёшкой в руке (одной, вторая ещё спала):

– Схватить... кого?

– Ягуара. Священного. Он там живёт, наверху.

– А он... кусается?

– Ещё как, – жизнерадостно сообщил дядя Толя. – Но ты не бойся, ты же мёртвый. Хуже не будет.

– —

Через час Костя стоял у подножия пирамиды. Сто ступеней уходили вверх, к облакам. На вершине что-то рычало и сверкало глазами.

– Эби, – прошептал Костя, – я тебя люблю. Если я не вернусь... ну, если вернусь не весь... собери меня, пожалуйста.

– Соберу, – пообещала вампирша. – Даже если ты кусками приползёшь. Только не откладывай, пока солнце высоко, ты же растаешь.

Степан, сидевший на пеньке с блокнотом, рассеянно кивнул и тут же забыл, о чём речь. Его взгляд был прикован к столу, где среди пустых бутылок из-под текилы и тарелок с неопознанным шашлыком стоял одинокий бокал. Внутри плескалась жидкость красного цвета, от которой шёл лёгкий пар и пахло томатами, сельдереем, чем-то острым и... кровью.

– Странно, – сказал сам себе Степан. – Я же не пил вчера красное. Я пил текилу. Или пил? А, ладно.

Он поднёс бокал к губам и сделал глоток. Сельдерей внутри тихо шёлкнул, как курок. Выпил.

– Ого. Вкусно. И бодрит.

– —

– Начали! – рявкнул дядя Толя и ударил в бубен.

Костя шагнул на первую ступень. И сразу споткнулся.

– Первый вопрос! – заорал дядя Толя. – Что есть сила?

– Сила? – Костя полез выше. – Ну... это когда у тебя рука не отваливается? Или отваливается, но ты всё равно делаешь?

Он сделал шаг, другой. Левая нога осталась на третьей ступени, правая пошла дальше.

– Эй, нога! – крикнул Костя. – Ты куда?

Нога не ответила. Она вообще была неразговорчивая.

– Сила, – продолжал Костя, карабкаясь на локтях (потому что без ног ползти удобнее), – это когда ты ради любимой готов даже без ног обойтись. Ну, или с запасными. У меня есть запасные?

– Нету запасных! – крикнул дядя Толя.

– Жаль. Надо было брать.

– —

А в это время Степан сделал второй глоток.

– Друзья! – вдруг заорал он так, что игуаны на ближайших кактусах попадали в обморок.

Дядя Толя, который как раз комментировал Косте спуск, обернулся:

– Ты чего орёшь?

– Я ору? – удивился Степан. – Это не ор. Это эпическая речь в честь молодых! Где молодые, кстати? А, вон они! Костя! Эби! Вы прекрасны! Костя, ты зелёный, но это ничего, сейчас все такие! Эби, у тебя клыки – закачаешься! Давайте выпьем за то, чтобы у них всё... ну, всё, что есть, всегда было на месте! И не отваливалось! Ну, или отваливалось, но вовремя!

Он взмахнул бокалом, расплескал половину на кактус, икнул и сел обратно на пенёк. Он не помнил, что хотел убить Костю. Зато точно помнил, что кому-то задолжал шубу.

Дядя Толя посмотрел на Эбигейл:

– Он чего?

– Кажется, он нашёл Кровавую Мэри, – вздохнула вампирша. – Ту самую. Из гильдейского иска.

– Ой, – сказал дядя Толя. – А я думал, это компот.

– —

Костя тем временем дополз до середины пирамиды. Сверху донёсся рык. Ягуар высунул морду и с интересом уставился на зелёное существо, которое ползло к нему, оставляя за собой след из конечностей.

– Второй вопрос! – дядя Толя ударил в бубен сильнее. – Что есть дух?

– Дух? – Костя задумался. У него от усердия отвалилось ухо. – Дух... это когда ты внутри. Ну, у меня, например, душа из дыры в пиджаке торчит. Эби говорит, это нормально. Для романтики.

Ягуар прищурился. Он явно не ожидал такого гостя.

– А ещё дух – это когда ты не сдаёшься, – продолжал Костя, хватая ртом воздух. – Даже если от тебя уже полкостюма осталось. Ты всё равно лезешь. Потому что там, наверху... ну, ягуар. И Эби смотрит. И дядя Толя с бубном.

– —

Степан налил себе второй бокал. Жидкость в бутылке загадочно булькала и не кончалась.

– Так, – сказал он, поднимаясь и чуть не наступив на спящего ягуара (того самого, который ещё не знал, что ему скоро предстоит знакомство с Костей). – Я понял. Здесь неправильная рассадка. Гости должны сидеть иначе!

Он начал переставлять невидимых людей:

– Ты, дядя Толя, садись ближе к алтарю. Ты же старший родственник. Эби, ты рядом с Костей, но через одного, чтобы страсть не зашкаливала, а то у него ноги отваливаются. Степан, ты где? А, это я. Я сяду вон там, у оркестра. Где оркестр? А, вот же оркестр!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.